Осколки майской розы

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

автор Лиса

Лиса Лиса

Осколки майской розы

«Автор»

2026

Лиса Л.

Осколки майской розы / Л. Лиса — «Автор», 2026

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечет установленную законодательством ответственность.Рассказ основан на реальных событиях.Это личная, очень болезненная история о детстве, разрушенных иллюзиях и выживании в условиях, где выжить было почти невозможно. Путь маленькой девочки Ники среди хаоса, предательства взрослых и семейного алкоголизма. История о том, как рушатся детские фантазии и обнажается жестокая, грязная реальность, с которой приходится справляться в одиночку. Сколько испытаний нужно пройти ребенку, чтобы сквозь боль и осколки чужих ошибок всё-таки разглядеть дорогу к самой себе?Примечания автора:Все имена в истории изменены в целях конфиденциальности. Текст публикуется под творческим псевдонимом Лиса.

© Лиса Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Путь без отца 5
Нарушенные обещания 6
Одиночество среди людей 7
Домашний дурдом 8
Майская роза 9
Финал иллюзий 10
Часть 2. Осколки иллюзий 11
Иллюзия чуда 11
Привычный конвейер 12
Лестница 13
Серый шум 14
Стены 15
Часть 3. Иллюзия тепла 16
Талисман из детства 16
Кучерявый капкан 17
Дешёвая романтика 18
Пиксельная сказка 19
Общий двор 20
Прослушка 21
Кипяток 22
Шкворчащий ужин 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Осколки майской розы

Часть 1. Путь без отца

Нике был всего один год, когда её отец ушёл за хлебом и не вернулся. Для кого-то это просто мем из интернета, но для неё это стало началом пути — пути в одиночку. Она всегда верила, что нужна отцу, каким бы он ни был, но это была ошибка.

Мама Ники, Наташа, была среднего роста, зеленоглазая и слегка полноватая женщина. Её проблемы с алкоголем не оставили маленькую Нику в стороне. Жили они в двухкомнатной квартире на пятом этаже. С ними проживала бабушка Клавдия — добросовестная, не признающая курения и алкоголя женщина низенького росточка. Клава пережила войну 1941 года и с ранних лет воспитывала детей: сначала младших сестёр и брата (и без разницы, родные они были или нет), а потом и собственных — дядю Ники, Владимира, и Наталью. Брат с сестрой мало чем отличались друг от друга, разве что у Натальи была работа, а у Владимира — нет. В квартире часто пахло перегаром и дешёвыми сигаретами, а хрупкую тишину в доме удерживала только бабушка Клава.

Наталья всегда была хитрой, суетливой и любила искать приключения. После первого неудачного брака она встретила Никиного отца — Виктора, который мало чем отличался от неё самой. Он был женат, она — в разводе, к тому же он был на год младше. Наталья влюбилась, так и не успев повзрослеть. Виктор ушёл от жены, сошёлся с ней, и вскоре появилась Ника. Как говорила мать, дочка была её «новогодним желанием».

Виктор много сидел в тюрьме — то за воровство, то ещё за что-то. Но однажды он решил явиться перед дочерью. Весь такой потрёпанный, уже почти без ног. Шестилетняя Ника гуляла во дворе, когда бабушка крикнула из окна: — К тебе отец пришёл!

Девочка зашла в квартиру и замерла. Она не могла поверить своим глазам. Виктор стоял, смотрел на неё и вдруг произнёс: — Привет, а я твой папа!

В воздухе повисло тяжелое молчание. Слёзы и дрожь в ногах было не удержать. Малышка затаила дыхание, в её глазах читалось разочарование, а по щекам бежали слёзы. Звук работающего на фоне телевизора будто стих, мир вокруг замер, даже ветер за окном прекратился. Ника смотрела на него и отчётливо понимала: она как две капли воды похожа на этого человека. И всё же ребёнок смог принять его, искренне надеясь, что теперь её жизнь изменится.

Нарушенные обещания

Время от времени она приходила к нему в гости. В один из летних дней отец предложил сходить на море. Маленькая Ника обрадовалась, но тут же с непониманием уставилась на то, как он, волоча ногу за ногой, тяжело спускается по ступенькам четвёртого этажа на инвалидных ходунках. Кое-как они вышли из подъезда.

— Пап, купишь мне конфетку? — тихо спросила Ника.

Отец посмотрел ей в глаза, достал бумажник и стал пересчитывать купюры, одну за другой. Взглянув на дочь, он сухо ответил: — У меня нет денег.

Ника опустила глаза, и дальше они пошли молча. Спустившись по тяжёлому склону к морю, папа предложил ей зайти в дом к его знакомым. Девочка отказалась и осталась ждать на улице. Из своего укрытия она видела, как отец достаёт из кошелька абсолютно все деньги и передаёт какому-то мужчине, а тот взамен протягивает ему шприц с тёмно-жёлтой жижей.

— Пошли домой, — скомандовал вернувшийся отец.

Ника не стала задавать лишних вопросов. Они долго и тяжело поднимались обратно по крутому склону.

Прошло лето. Приближалось первое сентября, Ника шла в первый класс, нужно было готовиться к школе. — Дочь, позвони отцу. Нам не хватает денег купить тебе спортивную форму, — сказала Наталья.

Девочка сомневалась — после той прогулки отец больше не объявлялся. Малышка всё же взяла трубку и набрала номер. После долгих гудков ответила её вторая бабушка, мать Виктора: — У тебя есть мать, пусть она тебя и обеспечивает! — отрезала женщина.

Ника медленно положила трубку. Ей больше никогда не хотелось туда звонить. Но дома ждала мать, требовавшая результатов. Научиться передавать такие отказы родителям — это тоже стало частью её взросления.

Одиночество среди людей

Время шло быстро, Нике исполнилось уже девять лет. Зима, весна, лето, осень... Осенние дни рождения её больше не радовали. Подруг почти не было, девочка росла замкнутой. Школа, хорошие оценки, серая рутина. Появилась подруга Маша, но и с ней видеться уже не хотелось — Нике просто хотелось сидеть дома и ничего не делать.

Однажды они сидели у Маши дома. Та заметила родительскую копилку и решила, что если возьмёт оттуда крупную купюру, никто не заметит. Ника пошла с ней за компанию по магазинам, где продавали кукол. Маша накупила кучу игрушек, всяких русалок — и себе, и Нике. Но в тот же день всё вскрылось: родители Маши нашли тайник. Подруга тут же перевела стрелки, выставив виноватой Нику.

Позже Ника стояла в кабинете директора, перед учителями, плакала, доказывала правду, но ей никто не верил. Равнодушие взрослых заставляло её разрываться изнутри на миллион мелких кусочков. В истерике, полностью опустошённая, когда ноги уже заплетались от усталости, она просто замолчала. В тот день девятилетняя девочка поняла: конкретно на неё всем наплевать. И без разницы, что за окном идёт дождь, ведь укрыть её от этого ливня некому — даже тем, кто обязан это делать по закону и любви.

Нику перевели из «Б» класса в «А». Там она нашла новых подруг, стала больше общаться. Но, глядя на них, она видела, что у всех есть папы, которые любят своих дочерей. Да и одевались другие девочки гораздо лучше. На Нике зимой всегда было надето несколько тяжелых свитеров под девизом бабушки Клавдии: «Пар костей не ломит». Пока сверстницы носили нормальные современные вещи и играли в кукол, каких хотели, Ника молча завидовала. За её спиной оставались нищета — как финансовая, так и духовная — и тяжелейшие отношения в семье.

Домашний дурдом

У всех родители были как родители, а у Ники дома царил вечный хаос. — Мать снова ушла в запой, пойди поищи её, — в очередной раз попросила любимая бабушка Клава.

Ника послушно одевалась, накидывала на плечо рюкзак и в любое время суток шла искать мать по притонам и знакомым. Чаще всего Наталья зависала у дедушки с бабушкой по другой линии. Дед был неродным братом Клавдии — работящий, добрый, но страдающий алкоголизмом мужчина низкого роста, с тёмными волосами и большим животом. Его жена Людмила, тоже женщина пышных форм, работала в столовой и часто приносила домой булочки, которые они использовали как закуску к водке.

Ника подошла к старому двухэтажному дому. Старики жили на первом этаже, и если дверь в подъезд была заперта, девочка спокойно залезала через окно. Так она поступила и в этот раз.

— Мам, ты спишь? — тихо спросила Ника, зайдя в комнату.

В ответ тишина. Девочка подошла ближе и замерла: под матерью расплылась огромная лужа мочи, в комнате жутко воняло перегаром, а женщина спала мертвецким сном. Малышка сквозь слёзы набрала бабушку Клаву, но та отрезала: «Без матери домой не возвращайся». Ника опустилась на пол возле кровати и разрыдалась, закрывая лицо руками. Слёзы капали прямо на колени.

Через пару часов Наталья проснулась. — Почему ты плачешь? — мутным взглядом посмотрела она на дочь. — Ничего, мам. Пошли домой, бабушка ждёт нас, — ответила Ника и вышла в коридор.

Мать пошатываясь пошла следом, но по пути завернула в зал, где спали дед с бабой. На столе возле кровати стояла недопитая бутылка. Наталья поднесла её к губам и прямо из горла допила остатки водки. Только после этого они вышли на улицу. Нике было невыносимо стыдно идти с ней рядом, благо на дворе стоял поздний вечер. Кому приятно идти под руку с обоссанной, пахнущей перегаром женщиной, которая едва держится на ногах и всем весом наваливается на собственного ребёнка? И эта женщина — её мать.

Инциденты повторялись один за другим. Бабушка Клава продолжала отправлять Нику на эти поиски, наказывая контролировать деньги, чтобы оставалась хотя бы копейка на автобус. Если Ника отказывалась идти, Наталья могла пропадать неделями, не выходя на связь и прогуливая работу, а начальству врала по телефону, что болеет. Из-за этого девочке приходилось постоянно пропускать уроки и забивать на домашние задания.

Майская роза

После первой четверти мама, казалось, завязала с попойками. Ника выдохнула: неужели всё наладилось? Наступила зима, дома стало тихо. Но вскоре Наталья снова отправила дочь к отцу — просить финансовой помощи.

Ника пришла к Виктору. Ей было безумно неловко просить деньги, но дома ждали отчёта. В квартире её тепло встретила бабушка Люда — женщина с пышными формами, большими глазами и аккуратной завивкой, которая очень шла к её крашеным бордовым волосам. Она была домашней: в коричневых штанах и болотной футболке.

— Проходи, будешь чай пить? — спросила Люда. — Конечно буду, бабуль, — ответила Ника.

Они прошли в крошечную кухоньку, где было не развернуться. Ника присела на край кровати, где лежал отец, и вдруг заметила под столом баночку с мочой. — Бабушка, а зачем это папе здесь? — удивленно спросила Ника. — Папе трудно дойти до туалета, — оборачиваясь, ответила бабушка Люда, поставила перед ней чашку горячего чая и ушла, оставив их наедине.

Ника сидела, переводя взгляд с отца на стены, и не знала, как начать этот разговор. Наконец, собравшись с силами, она тихо произнесла: — Папа, уже зима... Мне нужны деньги на сапоги.

Отец резко повернулся, его лицо исказилось от ярости, и он бешено закричал: — ЕСЛИ Я ТЕБЕ ДАМ, МНЕ НЕ ХВАТИТ!

Ника резко поднялась из-за стола, не стала ни с кем прощаться и выскочила из квартиры, громко захлопнув дверь. Опустив голову, она медленно шла домой. Вокруг падал снег, кроссовки насквозь промокли, а холод пронизывал тело до дрожи. На ней было лёгкое серое пальтишко, старый бабушкин свитер, колготки и школьные брюки.

Дни складывались в недели и месяцы, но ничего не менялось. Отец не звонил и не интересовался её жизнью, а мать снова срывалась в запои. Ника продолжала пропускать школу. Ей катастрофически не хватало ни матери, ни отца. Единственной опорой оставалась бабушка Клава, которая, кажется, сама искренне не понимала, что использует маленького ребёнка в качестве телохранителя для взрослой женщины. А у Ники уже просто не было сил.

Девочка часто вспоминала редкие моменты из прошлого, когда всё было хорошо: как мама пекла пироги, делала её любимые бутерброды, водила на шопинг и как они вместе учили стихи к урокам. А когда Ника приходила к отцу, она постоянно слышала от бабушки Люды одну и ту же фразу: «Папа наш цветёт как майская роза». В то время как «роза» едва передвигалась по комнате, держась за стенки.

Финал иллюзий

Ника взрослела. В тринадцать лет у неё появился первый парень. И она буквально прибежала рассказать об этом отцу, мужского внимания которого ей так не хватало все эти годы. В свои тринадцать она искренне считала себя уже абсолютно взрослой.

— Папа, я знаю, что ты наркоман, — твёрдо произнесла Ника. Ей хотелось начать именно с этого, когда она вновь пришла к нему, хотя к самому разговору она готова не была.

Для маленького ребёнка «наркомания» — это просто страшное слово из разговоров взрослых. С самого детства Ника слышала от матери, какой отец плохой человек и наркоман. Она понимала, что это означает что-то ужасное, но внутри неё всегда жила детская надежда: а вдруг это ошибка? Ведь её папа не может быть плохим. Вопросов было много, ответов — ноль.

Девочка ждала оправданий, объяснений, да чего угодно. Но Виктор лишь безучастно посмотрел на неё и тихо сказал: — Из-под батареи достань коробку.

Ника послушно присела, вытащила пыльную коробку и медленно открыла крышку. Внутри лежали использованные шприцы и ампулы со смесями. Слёз больше не было. Накатила глухая, звенящая пустота и полное непонимание. В голове один за другим вспыхивали кадры её прошлых визитов к нему.

Именно в эту секунду все её детские иллюзии рухнули, обнажив жестокую, грязную реальность. Всё, что она годами придумывала себе об отце, не имело ничего общего с тем, кем он был на самом деле.

— Я не знаю, что тебе на это ответить. Я вот такого не ожидала, — тихо произнесла Ника.

Наступила долгая минута молчания. — У меня появился парень, просто знай, — добавила она.

Ника поднялась со стула, стоявшего напротив отца, и ушла. Без криков, без выяснения отношений и требований объясниться. Выйдя из подъезда на свежий воздух, она шла и вспоминала этот вечный химический запах в его квартире, рассказы матери, их редкие разговоры и то, как они когда-то вместе кормили голубей прямо с его рук. Ей было трудно поверить в правду, которая теперь лежала перед ней на ладони. Контраст между любящим отцом из её фантазий и наркоманом с коробкой шприцев под батареей был слишком сильным. Пазл её детской жизни окончательно рассыпался.

Часть 2. Осколки иллюзий

Иллюзия чуда

Нике снится зимний вечер. В квартире тепло, пахнет маминими фирменными пирогами с корицей и живой елочной хвоей. Мама трезвая, красивая, с мягкой улыбкой наряжает елку, а бабушка Клава не ворчит, а тихо напевает что-то на кухне. Маленькая Ника сидит на ковре, смотрит на мигающие огоньки гирлянды и всем сердцем ждет Нового года. Она ведь знает, что она — мамино «новогоднее желание», а значит, в этот праздник обязательно должно случиться чудо. Она верит в Деда Мороза так искренне, как умеют верить только дети, которым очень нужна защита.

И вдруг во сне картинка начинает меняться. Запах пирогов сменяется резким, удушливым запахом перегара и дешевых сигарет. Огоньки на елке гаснут. Мама из ласковой превращается в суетливую, раздраженную, а на кухонном столе вместо праздничных угощений появляется бутылка.

И тут вплетается то самое тяжелое воспоминание, которое занозой сидит в памяти с самого детства. Ника вспоминает, как за кухонным столом мама и бабушка, устав от её детских расспросов и ожидания подарков, равнодушно и резко говорят ей правду: «Хватит выдумывать. Нет никакого Деда Мороза. Подарки покупаем мы, и вообще, радоваться особо нечему — денег в доме вечно не хватает».

Для маленькой Ники в тот момент мир стал чуть холоднее. Оказалось, что даже сказочный дедушка, который должен любить всех детей, к ней не придет. Защиты нет. Чуда не будет.

Ника тринадцати лет резко открывает глаза в своей комнате. За окном серый подростковый день. Сон растаял, оставив на губах привкус той детской обиды. И она понимает: сказок не бывает. Ни про Деда Мороза, ни про любящего отца, ни про идеальную семью. Есть только она сама.

Привычный конвейер

Будильник еще не прозвенел, на часах не было и семи, но Ника уже открыла глаза. Обычно её будила бабушка Клава. Заходила в комнату, громко топая, и с порога заводила привычную шарманку: «Пора вставать! Вот когда твой дед служил…». Ника поплелась на кухню. Бабушка уже возилась у плиты — варила сосиски и ждала, пока закипит старый чайник. Матери дома не было: она всегда уходила на работу рано, до того, как проснутся остальные. По крайней мере, когда у неё была работа.

— Доброе утро, бабуль, — тихо сказала Ника, пытаясь улыбнуться.

— Доброе, — отозвалась бабушка. Она повернулась от плиты, развела руки в стороны и крепко, до хруста в ребрах, прижала Нику к себе. От неё пахло домашней едой и старыми вещами. Быстро позавтракав, Ника пошла одеваться. Школьная форма была стандартной: черные брюки и белая водолазка. Больше всего на свете Ника боялась отличаться от сверстниц, поэтому к своему внешнему виду относилась ревностно. Перед выходом из дома она послушно стягивала волосы в тугой, аккуратный хвост, как требовала бабушка. Но стоило завернуть за угол, подальше от окон квартиры, как резинка тут же летела в карман. Ника распускала волосы, и они тяжелой каштановой волной падали ей на спину, до самой талии. При своем низком росте и огромных зеленых глазах она казалась себе слишком маленькой, а распущенные волосы придавали ей хоть немного уверенности.

В школе её ждал привычный конвейер издевательств. Девчонки из «Б» класса, начавшие травлю еще в детстве, с годами только вошли во вкус и не упускали ни единого шанса её унизить. Учителя тоже не отставали. Из-за постоянных пропусков на Нике заранее поставили жирный крест, записав в безнадежные прогульщицы и двоечницы. Навстречу катящейся вниз успеваемости семимильными шагами шло подростковое созревание — тело менялось, гормоны бушевали, превращая каждый день в оголенный провод. Силы были на исходе под конец учебного дня, и ей хотелось только одного — чтобы её никто не трогал. Но на этой территории правила всегда были против неё, и в этот момент коридор снова прорезал знакомый визг на весь этаж:

— Ника, быстро заплела волосы! Живо в косу убрала!

Светлана Валентиновна, классная руководительница и по совместительству учительница физики, держала школу в страхе. Это была грозная, почти семидесятилетняя старуха с копной мелких кудрей и хищным, сгорбленным носом. Вечно орущая, неадекватная, она будто питалась чужим страхом и никогда не разбиралась, кто прав, а кто виноват.

— Хорошо, сейчас соберу, — тихо ответила Ника, стараясь не провоцировать взрыв. Но Светлана Валентиновна уже зацепилась взглядом за её внешний вид. Её маленькие глаза сузились, сканируя Нику с ног до головы.

— А это ещё что? На тебе что, кожаные штаны?! — взвизгнула физичка на весь коридор.

— Да нет же, — Ника почувствовала, как к горлу подступает ком, и поспешила повернуться, демонстрируя брюки со всех сторон. — Это спереди просто отсвет такой, кажется так. А сзади посмотрите — они обычные, тканевые.

Но оправдания не работали. Старухе было глубоко плевать на реальность — ей был нужен повод. Одарив Нику презрительным взглядом, она всё равно прочитала лекцию о неподобающем виде и выставила её виноватой перед проходящими мимо учениками.

Ника спорить не стала. Она просто замолчала, привычно пряча злость глубоко внутрь себя. Огрызаться было бесполезно, на этой территории правила всегда были против неё.

Лестница

Ника шла по длинному коридору второго этажа. Как назло, сегодня по школе дежурил «Б» класс. Больше всего на свете Нике хотелось, чтобы её позор с физичкой остался незамеченным, но надежды рухнули: свидетельницей сцены стала Аня Никонова.

Ника приближалась к лестнице, у которой как раз и замерла Аня. В голове мгновенно помутилось, а ноги стали ватными и начали заплетаться. Обычно в такие моменты Ника за версту обходила Никонову, чтобы лишний раз не нарываться, но сейчас свернуть было некуда — кабинет физики находился на первом этаже, и путь лежал только через эти ступени, на урок физики.

Аня Никонова была на год старше. Из обеспеченной семьи, с невидимой, но прочно приросшей к голове короной. Худощавая, с обрубком коротких волос, стянутых в куцый хвост, она вечно одевалась вызывающе: облегающая короткая юбка и вульгарная белая кофточка. Никонова была безоговорочным лидером своей девичьей банды и главным режиссером всех местных издевательств — из тех, кто органически не умеет держать язык за зубами. Не смолчала она и теперь.

— О, смотрите, кто ползет! Наша «красотка», — громко, на весь коридор съязвила Никонова.

— На себя в зеркало посмотри! — огрызнулась Ника, пытаясь прошмыгнуть мимо.

Всё произошло в долю секунды. Аня резко выставила ногу. Ника не успела среагировать, зацепилась за чужой ботинок и, потеряв равновесие, кубарем покатилась вниз по бетонным ступеням. Когда Ника открыла глаза, мир вокруг казался чужим. Она лежала на холодном полу первого этажа и тупо смотрела в потолок. В ушах стоял невыносимый, тонкий звон, а спину пронзило острой болью. На долю секунды в голове промелькнула глупая, наивная мысль, что сейчас кто-то подбежит, подаст руку, поможет подняться... Но реальность быстро отрезвила. Никто не подошел. Она с трудом повернула голову. Наверху, у перил, заливалась смехом Аня Никонова. К ней как раз подошла подруга, но та даже не взглянула вниз, на распластавшуюся на бетоне девочку, словно Ника была пустым местом.

— Вот так тебе и надо! — выкрикнула сверху Аня.

Горячие слезы сами хлынули по щекам, оставляя мокрые дорожки. Колени дрожали, спину ломило, но Ника, цепляясь за стену, медленно поднялась с пола. Глотая рыдания, она побрела в класс физики. Внутри еще оставалась слабая надежда на справедливость, и Ника решила во что бы то ни стало рассказать обо всем классной руководительнице.

— Светлана Валентиновна, мне Аня Никонова подножку подставила... Я с лестницы упала, — задыхаясь от слез, выдохнула она, едва переступив порог кабинета.

Физичка даже не оторвала взгляда от журнала. На её лице не дрогнул ни один мускул.

— После урока разберемся, — сухо и безучастно бросила старуха. — Садись на место.

Серый шум

Ника замерла. Оправдался её самый худший страх: до неё никому нет дела. Ступая от бессилия, она дошла до своей парты и села, уткнувшись лицом в ладони.

Пока шел урок, Ника сидела за своей последней партой у окна, тупо глядя на улицу. Физика проплывала мимо неё серым шумом. Она вспоминала свой утренний сон — то мимолетное, обманчивое тепло, которого никогда не было в реальности, — и с корнем выдирала из себя остатки детских иллюзий.

«Деда Мороза не существует, чуда не жди, что ты как маленькая?!» — в сотый раз прокручивалась в голове резкая, равнодушная фраза матери.

Ника вспомнила, как из года в год, вопреки всему, до последнего верила в новогоднее волшебство. Вспомнила, как замирало сердце тридцать первого декабря и с какой глухой, удушающей обидой она просыпалась первого января, обнаруживая под елкой абсолютную, звенящую пустоту. А сейчас, глядя на то, как по стеклу тяжелыми, грязными каплями хлещет нескончаемый дождь, Ника больше не ждала сказочного старика с подарками. Ей нужно было другое чудо — элементарная справедливость. Но её не было. В голове лениво сменяли друг друга фрагменты её жизни, и Ника невольно сравнивала себя со своими знакомыми и подругами. В их семьях всё было иначе. Там были нормальные, трезвые родители, совместные праздники, поддержка и защита. Ника сжала кулаки. Мир вокруг неё окончательно разделился на «них» — тех, у кого была эта благополучная, теплая жизнь, — и на неё саму, застрявшую в этих беспросветных осколках.

Стены

Пронзительно зазвенел звонок. Ника осталась сидеть за партой, безразлично наблюдая, как одноклассники с шумом собирают вещи и расходятся. Светлана Валентиновна пулей вылетела из класса по своим делам, даже не взглянув в её сторону. Ника решила больше к ней не подходить — гордость не позволяла унижаться дважды. Но глубоко в душе, где-то на самом дне, всё равно таилась крошечная, жалкая капелька надежды на то, что учительница не спустит Никоновой это с рук. Надежда, которой суждено было разбиться.

Это был последний урок. Придя домой, Ника застала только бабушку — мать всё еще была на работе.

— Привет, бабуль, — тихо бросила Ника, сбрасывая на табуретку тяжелый рюкзак.

Ушибленная спина отозвалась резкой, ноющей болью. Кое-как переодевшись в домашнее, Ника мертвецким грузом рухнула на кровать. Сил не было ни на что.

— Никочка, иди кушать, всё горячее, — позвала из кухни бабушка.

— Спасибо, я не голодна, — отозвалась Ника и отвернулась к стене.

Перед глазами снова поплыли лица родителей. Ника вспомнила, как мать клялась, что она бросит пить, и что они наконец-то поедут на дачу к дяде Олегу. Он был для неё кем-то вроде отчима, хотя с ними не жил и Никой никогда особо не занимался. Мать обещала, что эта поездка всё изменит, они побудут вместе, как нормальная семья, но в итоге всё закончилось как обычно — очередным глухим запоем Натальи прямо перед выездом.

Вспомнила она и отца, который в их редкую встречу обещал, что «на следующей неделе» обязательно заберет её на выходные, чтобы просто погулять в парке. Разумеется, никто никого не забрал — телефон отца был отключен неделями, а под его батареей копились только новые использованные ампулы. Самые близкие люди, которые должны были стать её щитом от школьной жестокости, раз за разом выбирали свои зависимости и собственное равнодушие. Надежда на них была самой большой ошибкой в её жизни.

Бабушка подошла и замерла в проходе их комнаты — той самой, которую им вдвоем приходилось делить напополам. Это было маленькое, продолговатое помещение, где каждый сантиметр напоминал о нищете. Прямо при входе в стену упиралась кладовка, доверху забитая старым хламом. Два потрепанных временем шифоньера стояли друг напротив друга, и на одном из них пылился старый пузатый телевизор. С потолка свисала люстра — с неё из года в год никто так и не убирал потускневший новогодний дождик, сиротливо напоминавший о несбывшихся чудесах. Возле кровати Ники втиснулся письменный стол, за которым она делала уроки, а рядом серое окно выходило на улицу. Обои давно отжили свой век и были кое-где разрисованы, а вместо модных подростковых плакатов стены украшали картинки, которые бабушка бережно вырезала из старых календарей.

— Что-то случилось? Что с настроением опять? — встревоженно спросила она, вглядываясь в позу внучки.

— Ничего. Я хочу побыть одна, — как отрезала Ника, давая понять, что разговор окончен.

Часть 3. Иллюзия тепла

Талисман из детства

— Я скоро приеду! — быстро набрала Ника в сообщении своему парню Данилу и привычным жестом заблокировала экран.

Этот старенький мобильник был для неё чем-то вроде талисмана. Его подарил отчим, дядя Олег, когда девочке исполнилось двенадцать лет. С тех пор телефон видел немало, но продолжал исправно служить своей маленькой хозяйке, оставаясь едва ли не единственной личной вещью, напоминающей о редких моментах нормальной жизни.

Лето ворвалось в город душным, плавящим асфальт зноем. Но если для остальных эта изнуряющая жара была в тягость, то для Ники раскалённые улицы стали единственным спасением от гнетущей, удушливой домашней атмосферы. Быстро натянув лёгкую летнюю одежду, она пулей вылетала из душной квартиры и мчалась на стройку — туда, где работал её парень.

Кучерявый капкан

Данилу было двадцать лет. Разница в возрасте его нисколько не смущала, да и саму Нику тоже — в свои годы, пройдя через семейный ад, она чувствовала себя гораздо старше и опытнее сверстников. Высокий, худощавого телосложения, с пронзительными голубыми глазами и копной русых кучерявых волос, Данил мог бы казаться привлекательным, если бы не страшный, неизгладимый отпечаток его образа жизни. Регулярное употребление наркотиков ранее и дешевого алкоголя уже успело разрушить его молодое здоровье: зубы наполовину выпали, а те немногие, что остались, пугали гнилой чернотой.

Он жил с матерью в такой же давящей, беспросветной нищете. Старшая сестра Данила сбежала из этого семейного тупика при первой же возможности — как только родила ребёнка и смогла хоть куда-то съехать, лишь бы не видеть этот домашний морг.

На этой пыльной, грохочущей стройке Ника проводила все дни напролёт. Она безвылазно находилась рядом с Данилом, работая наравне с мужчинами как бесплатный разнорабочий: то подметала строительный мусор, то переносила тяжелые инструменты, то выполняла другую мелкую, грязную работу. Ей не платили ни копейки, но тяжелый физический труд приносил странное, тупое облегчение, заглушая душевную боль. К тому же, в самом начале их отношений всё казалось почти идеальным.

Дешёвая романтика

Когда мать Ники уходила в очередные затяжные запои и неделями пропадала из дома, девочка после учёбы сразу ехала к Данилу. Находиться одной в четырёх стенах опустевшей квартиры было невыносимо. В нескладной, угловатой фигуре своего парня она отчаянно, до дрожи в коленях искала утешения и укрытия — того самого крепкого, надежного отцовского плеча, которого ей так остро не хватало всю её сознательную жизнь.

Те летние дни были наполнены дешёвой, наивной, но такой ценной для неё романтикой. У Ники никогда не было собственного велосипеда, и Данил терпеливо, часами учил её кататься на своём, бережно придерживая за сиденье на разбитых дорогах. Иногда он покупал баллончики с яркой краской. Они забирались в самую глубь полуразрушенных заброшек, стоявших неподалёку от его дома, и на серых, покрытых плесенью бетонных стенах выводили размашистые надписи: «Ника + Данил = сердечко». В этих безмолвных руинах, вдали от чужих глаз, Ника чувствовала себя по-настоящему защищённой.

Как-то в один из солнечных дней он повёл её к речке. На старом деревянном мостике, где пахло речной тиной и нагретым солнцем деревом, Данил вдруг достал из кармана помятый клочок бумаги и серьезно посмотрел ей в глаза: — Давай распишемся на листике? Как будто всё по-настоящему у нас брак. — Я не против, — тихо ответила Ника, и её сердце забилось чаще от внезапно накатившей нежности.

Они старательно, почти торжественно вывели на клочке бумаге клятву: пообещали быть верными друг другу и в горе, и в радости. Поставили свои размашистые подписи. Сложив листок в несколько раз, они бережно спрятали свой импровизированный «документ» под одну из рассохшихся деревянных досок мостика, навсегда запечатав эту тайну от всего мира.

Пиксельная сказка

У Данила было два телефона. Дорогой смартфон он всегда оставлял дома, берег и сдувал с него пылинки, а с собой на стройку и пьяные гулянки носил второй — старый, потрепанный кнопочный аппарат, на случай «лишь бы не сломать». Под хриплый, шипящий звук музыки, доносившийся из его полупосаженного динамика, Ника счастливо смеялась, прыгала и танцевала прямо на шатком мостике. А Данил, довольно улыбаясь, без конца фотографировал её на пиксельную камеру кнопочного телефона. В те редкие минуты она была абсолютно, безмятежно счастлива.

Лишь когда на город опускались густые сумерки, сказка подходила к концу. Ника послушно набирала номер бабушки, чтобы предупредить, что уже скоро приедет. И Данил всегда сопровождал её до самого дома, оберегая в вечерней темноте.

Данил прекрасно знал, в каких жутких условиях приходится выживать Нике, и, казалось, искренне ей сопереживал. В те дни он стал для неё единственной осязаемой опорой. Парень старался помогать ей финансово, подставляя плечо там, где родная мать давно умыла руки. Он покупал для неё самые банальные, но такие необходимые продукты: картошку, колбасу, молоко, а на сдачу обязательно оставлял Нике немного денег на дешёвые сладости, чтобы хоть как-то порадовать испуганную девочку.

Он быстро нашёл подход к её семье. Данил тепло сдружился с бабушкой Клавой, да и с матерью Ники легко отыскал общий язык. Вот только способ для этого выбрал специфический — парень частенько сам покупал её матери алкоголь, завоёвывая её расположение самым простым, грязным и безотказным путём.

Общий двор

В то же время у матери Ники появился новый регулярный маршрут для побегов из реальности. Она стала часто ездить в город к мужчине по имени Вадим. Этот Вадим промышлял тем, что сам гнал крепкий домашний самогон, который они вдвоём тут же, не отходя от плиты, и дегустировали. Мать примчалась к нему, как правило, в самые «богатые» дни — едва дождавшись бабушкиной пенсии или получив собственную скромную зарплату. Все эти деньги до последней копейки спускались в доме Вадима: уходили на нехитрую закуску и бесконечную добавку к мутному вареву.

Самым невыносимым для Ники было то, что этот Вадим жил по роковому, издевательскому стечению обстоятельств совсем рядом с Данилом — максимум в пяти шагах ходьбы, буквально за углом.

Спрятаться от семейного кошмара не получалось даже на другом конце города. Находясь у своего парня, Ника постоянно дёргалась, пребывая в вечном неврозе. Она то и дело срывалась от Данила и шла к дому Вадима — то в тайной надежде забрать, увести пьяную мать домой, пока та не спустила все семейные сбережения, то просто проверить, там ли она вообще и жива ли после очередной порции суррогата. Граница между её личным островком безопасности у Данила и маминым пьяным омутом стёрлась окончательно. Всё существовало в одном общем, тесном и грязном дворе.

Прослушка

Однако эта хрупкая иллюзия идеальных отношений просуществовала недолго. Очень скоро сквозь напускную заботу Данила начала прорастать глухая, удушающая ревность. А вместе с ней пришли и первые жестокие упрёки. Парень, который ещё вчера сочувствовал Нике, стал безжалостно бить по самому больному — по её семье. Каждое напоминание о пьющей матери теперь становилось оружием в его руках, способом унизить девочку, растоптать её самооценку и полностью подчинить себе.

В моменты ярости Данил менялся до неузнаваемости. Наркотики и алкоголь окончательно расшатали его и без того слабую нервную систему, и во время очередного скандала он полностью терял контроль над собой.

— Ты меня не слышишь! Вообще не понимаешь! — надрывно кричал Данил.

В эти секунды он смотрел на Нику безумными, стеклянными глазами — диким взглядом человека, у которого явно прогрессировало глубокое психологическое расстройство. Его лицо искажалось животной злобой, и от прежнего доброго кучерявого парня не оставалось и следа.

— Послушай, успокойся, пожалуйста!.. — умоляюще шептала Ника.

В её голосе дрожал такой сильный, первобытный страх, который невозможно было ни унять, ни скрыть. Сердце испуганно билось в грудной клетке. Девочка, которая так отчаянно бежала от домашнего хаоса в надежде найти укрытие, вдруг с ужасом осознала: капкан захлопнулся. Идти ей больше было некуда, а человек, который обещал быть её «отцовским плечом», прямо сейчас разрушал её последние надежды на спасение.

Этот страшный разговор происходил у него дома. Они находились в крошечной, душной комнатушке его уехавшей сестры. Помещение казалось настоящим капканом: одна дверь из него вела прямиком в зал, а вторая — в соседнюю комнату, где безвылазно сидела его полуслепая мать. Из мебели здесь помещались лишь большая двуспальная кровать у стены, на которой в тот момент испуганно сжалась Ника, одинокий стул рядом и старый масляный обогреватель, который в холодное время года гудел, но совершенно не грел комнату. Возле самого выхода в зал, на обшарпанной тумбочке, сиротливо стояла миниатюрная электрическая плитка — на ней Данил обычно на скорую руку готовил себе еду. Пространства для маневра не было вообще.

Данил запер дверь, отрезая Нике любой путь к выходу. Он медленно повернулся к ней, и в его голосе прозвучали леденящие душу нотки: — Помнишь, пару недель назад у тебя телефон стал плохо работать, и я дал тебе свой кнопочный? — вкрадчиво спросил он.

Ника замерла. Внутри всё мгновенно похолодело. Она тревожно, снизу вверх взглянула на парня, предчувствуя недоброе.

— Так вот, — Данил сделал шаг ближе, глядя на неё в упор абсолютно безумными, мёртвыми глазами психопата. — Я заранее поставил туда карту памяти, на которую тайно сохранялись абсолютно все твои телефонные диалоги. А вчера я достал её. И прослушал. Всё до единого слова, Ника. Я знаю, с кем, о чём и в каком ключе ты общалась. И то, как ты обсуждала меня, я тоже прекрасно слышал.

Кипяток

В этот миг мир вокруг Ники будто рухнул, а воздух в комнатке стал густым и удушливым. Паника ударила в голову чистым адреналином. В памяти мгновенно вспыхнули те самые разговоры с подругами и общим другом, в которых она без прикрас делилась страхом перед его неадекватным поведением. Вспоминала она и то, как обсуждала с ними его внешность — те самые гнилые зубы и истощённый вид, на которые закрывала глаза, когда он казался ей симпатичным и надёжным.

Она поняла: сейчас произойдёт что-то страшное. Нужно спохватиться, бежать, спасаться, пока не поздно!

С трудом преодолевая сковавший тело ужас, Ника резко рванулась вперёд. На стуле возле кровати лежала её сумка. Она протянула руку и отчаянно схватила её, готовая броситься к двери.

Но сбежать ей не дали. Стоило Нике рвануться к выходу, как Данил коршуном нацелился на неё. Его пальцы мёртвой хваткой вцепились в её тонкое запястье, до боли сжав кожу. С дикой, безжалостной силой он рванул её назад и швырнул прямо на двуспальную кровать. Ника упала на матрас, на секунду потеряв ориентацию от страха и сильного толчка.

В глазах Данила полыхнуло окончательное безумие. Не давая ей опомниться, он резко повернулся к тумбочке, стоявшей у выхода в зал. Там, на миниатюрной электрической плитке, как раз доваривалась тарелка с лапшой быстрого приготовления — кипящее, остро пахнущее месиво.

Данил схватил эту тарелку голыми руками и одним резким, яростным движением плеснул горячее, обжигающее варево прямо на распластанную на кровати Нику.

Время словно замедлилось. В последний момент, когда горячее месиво уже летело в её сторону, Ника инстинктивно, каким-то чудом успела сгруппироваться, закрываясь руками и вжимаясь в матрас.

Это её и спасло. Основная масса обжигающего кипятка и скользкой лапши с глухим шлепком пролетела мимо и веером растеклась по кровати прямо рядом с ней. На саму Нику попали лишь брызги — совсем немного, но даже они болезнечно обожгли кожу. То ли сработала её феноменальная, рождённая чистым адреналином везучесть, то ли у Данила в самую последнюю долю секунды дрогнула рука и проснулось что-то отдалённо напоминающее человеческую жалость.

В комнате повисла удушливая, страшная тишина, нарушаемая только её частым, рваным дыханием и запахом дешёвых специй от рассыпанной по одеялу лапши.

В следующую секунду ярость Данила испарилась так же внезапно, как и вспыхнула. Словно очнувшись от безумного транса, он с грохотом выронил пустую тарелку, тяжело рухнул перед Никой на колени и забился в истерике. — Прости… Прости меня! Извини, я не хотел, я не хотел тебя напугать! — истошно кричал он прямо ей в лицо, содрогаясь от рыданий.

Его трясло, лицо пошло пятнами, а изо рта вместе с бессвязными мольбами летели слюни. От его недавнего пугающего превосходства не осталось и следа — сейчас перед Никой ползал жалкий, психически нестабильный человек, испугавшийся собственного уродства.

В голове у Ники стоял оглушительный гул. Кожа на местах ожогов противно горела, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами всё ещё стоял летящий в неё кипяток. Она не закричала, не стала бить его в ответ и не проронила ни единого слова. В абсолютном оцепенении Ника просто молча обняла его, прижимая к себе эту дрожащую кучерявую голову.

Она обнимала его и послушно гладила по спине, но внутри у неё билась только одна, самая главная, отчаянная мысль. Детская, наивная надежда на то, что это просто минутная

слабость. Что Данил всё понял, что ему действительно жаль, и такого больше абсолютно точно никогда не повторится...

Шкворчащий ужин

Прошло пару недель. Жизнь, казалось, вернулась в привычное русло, но, как оказалось, затаённая обида и злоба Данила никуда не исчезли. Он просто выжидал удобного момента. Ближе к осени, когда вечера стали прохладными, он пришёл не с пустыми руками — принёс баночку слабоалкогольного пива домой, после рабочего дня, когда Ника уже как раз к нему приехала. Данил ласково предложил маленькой девочке расслабиться, уверенно пообещав, что всё обязательно будет хорошо и прошлые ссоры забыты. Ника искренне поверила его мягким словам и уговорам. Ей так хотелось этого долгожданного спокойствия, что она поддалась на его предложение и выпила вместе с ним.

Поначалу всё действительно шло тихо. Они сидели у него дома, в той же тесной полутёмной кухоньке, и мирно общались. Ника хлопотала у плиты — обжаривала на сковородке фарш для ужина. Но алкоголь, быстро подействовавший на Данила, вытащил наружу всю ту желчь, которую он копил эти две недели.

Вспомнив прошлые разговоры Ники с друзьями, Данил сорвался с места. В один прыжок он подлетел к плитке, вырвал из её рук горячую сковородку и с диким, оглушительным криком: «Какая же ты сука!» — наотмашь махнул ею, швыряя раскалённый, шкворчащий фарш прямо в Нику.

Он орал так истошно и громко, что в ушах стоял звон. В этом безумном потоке мата и ярости Нике было не то что слово промолвить — ей было страшно даже вздохнуть. Не давая ей опомниться, Данил схватил стоящую рядом кружку и вылил на неё горячий чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.